

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозный мыслитель.¹⁾

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К. Н. Леонтьевъ, какъ религіозная личность.

II.

(1855--1869).

Религія есть связь человѣка съ Богомъ, реальнымъ средоточіемъ абсолютныхъ цѣнностей. Формула эта для религіознаго сознанія и переживанія имѣетъ такое содержаніе. Всѣ тѣ высшія потребности человѣка, которыми онъ отличается отъ міра животнаго, въ конечномъ итогѣ сводятся къ тремъ основнымъ началамъ—истинѣ, добру и красотѣ, въ конкретномъ ихъ выраженіи—наукѣ, нравственности и художеству. Данныя положительныя начала жизни являются высшимъ благомъ постольку, поскольку они свой источникъ имѣютъ въ Богѣ. Столь часто повторяемая фраза—Богъ есть истина, добро и красота—для религіознаго человѣка не пустыя слова. И наука, и нравственность, и художество—проявленія Бога въ міровой жизни, и только въ этомъ своемъ значеніи являются высшей цѣнностью..

Человѣкъ—образъ и подобіе Божіе—призванъ въ своей жизни реализовать то божественное начало своей природы, которымъ онъ отграниченъ отъ низшаго бытія. Если

¹⁾ См. Труды Киевской Дух. Академіи, апрѣль, 1909 г.

такъ, то истина, добро и красота служить идеаломъ, который онъ въ мѣру своихъ силъ долженъ осуществлять въ своей жизни и тѣмъ достигать богоподобія...

Господь Иисусъ Христосъ Своимъ Лицомъ наполнилъ вполне близкимъ намъ содержаніемъ указанное требованіе обще-религіознаго сознанія. и тѣмъ самымъ сдѣлался обязательнымъ для насъ „Образомъ“, чтобы и мы дѣлали то же, что Онъ сдѣлалъ (Іоан. XIII, 15). И когда Онъ говоритъ: „Азъ есмь истина“, то этимъ самымъ влагаешь близкое намъ содержаніе въ сухую формулу, которой опредѣляется религія.

Нѣтъ хуже лжи, чѣмъ та, въ которой есть половина правды, — говоритъ въ одномъ мѣстѣ Вл. С. Соловьевъ ¹⁾. Истина, добро и красота, отграниченныя отъ Бога, и въ качествѣ „отвѣченныхъ началъ“ признанныя самодовлѣющими, по тому самому становятся враждебными религіи: утверждая свою самостоятельность, они неминуемо должны отрицать свой истинный первоисточникъ.

Наука въ своей отрѣшенности отъ Бога является тѣмъ господствующимъ теперь позитивнымъ знаніемъ, которое не можетъ удовлетворить взыскательныхъ умовъ. „Истина въ томъ, что ушелъ я изъ дома ученыхъ. и еще захлопнулъ дверь за собою. Слишкомъ долго сидѣла душа моя голодной за столомъ ихъ: для меня познаніе не есть какъ для нихъ—щелканіе орѣховъ“, справедливо оцѣниваетъ Ницше это самодовлѣющее накопленіе знаній ²⁾. А для умовъ посредственныхъ она служить средствомъ забыться за изу-

¹⁾ Въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“.

²⁾ „Такъ говорилъ Заратустра“, пер. Ю. М. Антонювскаго, изд. 3-е, стр. 135: „Объ ученыхъ“.

ченіємъ „мозга пивки“ отъ конечныхъ вопросовъ духа— за чѣмъ? для чего?..

Нравственность, отрѣшенная отъ Бога, становится тѣмъ прѣснымъ гуманизмомъ, который въ конечномъ своемъ развитіи теряетъ высшій духовный порывъ, сосредоточиваясь исключительно на заботахъ о сытой и довольной жизни. Изъ всей молитвы Господней помнитъ она тогда лишь четвертое прошеніе („Брандъ“ Пбсена).

Еще съ большей враждой къ религіи относится эстетизмъ, какъ „отвлеченное начало“. Въ отличіе отъ истинъ и добра идея красоты меньше всего поддается объективной мѣркѣ... И по мѣрѣ того, какъ она отдѣляется отъ идеи Бога, мы встрѣчаемся съ перерожденіемъ ея въ противоположныя начала. Здѣсь эстетическое филистерство, въ которое выродился марксизмъ въ „Новѣйшемъ капитализмѣ“ (1902 г.) Зомбарта, съ его презрѣніемъ къ „философской литературной, идеалистической, нечувственной и потому нехудожественной культурѣ вѣка Фихте и Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, Гейне и Гете“ и преклоненіемъ передъ болѣе цѣннымъ, искуснымъ и удобнымъ устройствомъ ресторановъ и отелей, кафе, кабаковъ, желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ,—чередуется съ декаденствомъ съ его красотой формъ и порою переходитъ въ эстетизмъ Сологубовъ и Кузьминыхъ... И именно въ силу этой субъективности чувства красоты такъ легко признать отдѣльныя формы ея за высшее благо...

Истина, добро и красота имѣютъ корни свои въ природѣ человѣка. Но и чувство односторонней и потому ложной красоты съ ея культомъ силы, мощности, величественности притягательно для него: здѣсь, по выраженію Достоевскаго, диаволъ съ Богомъ борется, и полемъ борьбы служить душа человѣческая... И какъ трудно бываетъ провести

ту грань, которая отдѣляетъ божественное отъ антихристового! Какъ близко подходитъ ко Христу со своимъ культомъ красоты Ницше, и въ то же время нѣтъ въ исторіи человѣческой мысли болѣе враждебнаго Ему, по крайней мѣрѣ *по своему желанію*, „антихристіанина“. Культъ мощнаго, эстетически прекраснаго—внутреннее существо классицизма—въ качествѣ идеала отрицается нами. Но было бы, думаю, несправедливымъ сказать, что мы не понимаемъ его обаянія. Величіе земное настолько сильныя корни имѣетъ въ нашей душѣ, что его покровомъ мы хотѣли бы одѣть религіозно высокое; встрѣча означенныхъ началъ много имѣетъ мѣста въ объясненіи причинъ Голгоетскаго креста... И въ христіанскую пору единственная въ міровой жизни Вялемская ночь воображеніемъ позднѣйшихъ художниковъ окружена небывалымъ внѣшняго характера величіемъ — неземнымъ свѣтомъ въ щерфѣхъ и сонмами парящихъ въ ней ангеловъ. А въ подлинной дѣйствительности мы видимъ убогихъ съ мірской точки зрѣнія Іосифа и Пресвятую Дѣву Марію да ясли животныхъ, ставшія колыбелью Божественнаго Младенца...

Богъ есть высшая красота. И если эту красоту имѣлъ въ виду Достоевскій, когда говорилъ: „красота спасетъ міръ“, онъ былъ правъ... Но, отрѣшенное отъ Бога, это начало является тѣмъ большимъ зломъ: враждебное религіи, оно съ такою же враждебностью относится и къ нравственному началу. Тотъ же Ницше явилъ примѣръ столь органическаго объединенія въ своемъ лицѣ атеизма и аморализма...

„Поразительно вообще въ исторіи европейской цивилизації, до чего *трудоу для европейци* вѣра!“ дѣлаетъ свое примѣчаніе къ одному письму Леонтьева В. В. Розановъ¹⁾.

¹⁾ „Изъ переписки Леонтьева“, Рус. Вѣстн. 1903 г. VI, стр. 421, прим. 1.

„Какія-то случайныя и личныя скорѣй *отклоненія* въ вѣру, чѣмъ *исключенія*—въ *невѣріе*! Паскаль, Амьель, люди странныя, вѣчно больные, охающие,—вотъ они вѣрили! Чуть солнышко сквозь дождь проглянетъ, европеецъ танцуетъ, открываетъ лавочку, затягиваетъ пѣсенку и о Богѣ вовсе не думаетъ. Совершенно обратное въ Азіи: счастливейшіе цари, Давидъ, Соломонъ, владыки Тира или Ниневіи, то воздвигаютъ тысячелѣтніе храмы, то пишутъ пропитанныя теизмомъ книги. Въ счастьи и въ несчастіи—азіатъ всегда мистикъ; европеецъ — только въ несчастіи. Европеецъ *только когда боится*—вѣруетъ; азіатъ съ Богомъ и тогда, когда мирно пасетъ скотъ, среди четырехъ женъ (Ревекка, Лія, Валла, Зедфа у Іакова), рождая непрерывно дѣтей. Почему это? Гдѣ тайна этого? Гдѣ тайна того, что съ европейца, какъ солону съ крыши, вѣру уносить малѣйшій вѣтерокъ?.. А мы, русскіе?—Тутъ сортъ «вѣры», а не одна «слабость вѣрующаго», отвѣчаетъ себѣ В. В. Розановъ, ставшій уже во время опубликованія писемъ Леонтьева противникомъ христіанства, подобно своему западному собрату Ницше¹⁾... „Можно сказать, «невѣріе» родится въ Европѣ, какъ пѣсень на сыромъ мѣстѣ, «само собою», «вездѣ», а «вѣра» выращается съ трудомъ, какъ какая-то орхидея, требуя парниковъ для себя, «стеченія случайностей», приспособленія, напряженія“.

Вопросъ В. В. Розанова понятенъ намъ, хотя, думаемъ, онъ долженъ получить совсѣмъ иное разрѣшеніе.

Вѣра неизмѣримо труднѣе невѣрія — настойчиво говорилъ, вопреки распространенному взгляду, Вл. С. Соловьевъ. Покориться факту, признать его за единственно

¹⁾ Д. С. Мережковскій въ своемъ трудѣ „Левъ Толстой и Достоевскій“ справедливо называетъ Розанова „русскимъ Ницше“: конецъ введенія ко II тому.

сущее—легко. Возвыситься надъ фактомъ, „облечь невидимое видимымъ“—для этого требуется подвигъ души. Вѣрить легко вѣрой наивной. Періодъ дѣтства человѣка—время незадумывающагося чувствованія Бога во всѣхъ сторонахъ жизни... Юный возрастъ—сплошь да рядомъ потеря вѣры. Истина, добро и красота, отрѣшенные отъ Бога, ставятся богами на опустѣвшемъ престолѣ... И только тѣ, кто имѣетъ силу духа не остановиться на этомъ переходномъ моментѣ, снова возвращаюся къ вѣрѣ дѣтскихъ лѣтъ, но уже сознанный въ своей разумности и необходимости: младшій сынъ; притчи о блудномъ сынѣ, послѣ долгаго питанія „рожками“ —пищей свиней, идетъ „во дворъ отчій“, покинутый имъ въ годы юности...

Народъ—тотъ же человѣкъ въ своемъ душевномъ развитіи. И въ его психологій дѣтскому періоду соответствуетъ та религія быта, которая обычно сильна и крѣпка своей очевидностью, своимъ обрядовѣріемъ. Не въ *существованіи* вѣры коренится такъ отбѣняемое Розановымъ превосходство азіатовъ предъ европейцами, а въ различныхъ степеняхъ ихъ культурнаго развитія: послѣ выступленія японцевъ на арену европейской культуры, въ массѣ своей ставшихъ атеистами, В. В. можетъ быть, не написалъ бы своихъ приведенныхъ выше словъ...

Религія—сознательное переживаніе своей связи съ Богомъ—подвигъ души... Тѣмъ большей силы духа требуетъ христіанство, обращающееся къ самымъ высокимъ потребностямъ человѣческаго духа, христіанство, оставившее позади тотъ азіатскій натуралистическій пантеизмъ, который влечетъ къ себѣ В. В. Розанова. „*Богъ есть духъ, и покланяющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истину*“ (Іо. IV, 24)—слова Спасителя, разъ навсегда перемѣстившія средоточіе религіи въ глубину человѣческой души. Во Христѣ религія, только какъ бытъ, не является подлиннымъ отношеніемъ человѣка къ Богу: такого рода религія не охваываетъ центра человѣческаго духа, огра-

ничиваясь лишь периферіями его. Намъ придется не разъ и съ полной обстоятельностью говорить о великомъ значеніи въ христіанствѣ обряда—этого „дыханія“ вѣры... Здѣсь же, въ примѣненіи къ частной мысли, мы утверждаемъ, что подлинное христіанство, въ которомъ бытовая сторона вѣры занимаетъ должное, но не *первое* мѣсто, требуетъ большого духа. „Христіанство — религія избранныхъ натуръ“ — вотъ глубокое утвержденіе одного изъ здравствующихъ богослововъ, на первый разъ поражающее своею парадоксальностью ¹⁾.

„А мы, русскіе?“ спрашиваетъ В. В. Розановъ... Отвѣтъ до болѣзненности ясенъ. Нигдѣ, даже въ „безбожной Европѣ“, такъ легко не кидаютъ „вѣру отцовъ“, какъ у насъ на Руси,—фактъ, полное уясненіе котораго отвлекло бы насъ слишкомъ далеко..

Не потому только, что Леонтьевъ навелъ В. В. Розанова на мысль, не солома ли по существу религіозная вѣра, если ее такъ легко валить вѣтеръ, — сдѣлали мы это отступленіе...

Мы подходимъ къ періоду полного душевнаго развитія Леонтьева, послѣ котораго мы увидимъ его уже въ монашеской скуфейкѣ. Вынужденные раньше угадывать основныя черты его души по позднимъ источникамъ, стараясь выдѣлить въ нихъ сѣмена отъ входовъ, теперь мы будемъ имѣть дѣло съ документами душевныхъ переживаній, современными послѣднимъ.. И мы увидимъ—позволю себѣ предварить послѣдующее—эстетизмъ дѣлается *натурой* Леонтьева... И намъ хотѣлось самимъ прежде изложенія дальнѣйшаго отдать отчетъ во взаимномъ отношеніи религіознаго чувства и начала красоты.

¹⁾ Любимая и неоднократно повторяемая мысль проф. Тарѣва.

Внѣшнія событія въ жизни Леонтьева за трактуемый періодъ таковы ¹⁾.

Непосредственно по окончаніи курса университета Л. отправился врачомъ-добровольцемъ въ Крымъ. По заключеніи мира въ 1856 году онъ возвратился въ Россію, былъ сельскимъ и домашнимъ врачомъ въ Нижегородской губерніи, въ имѣніи барона Д. Г. Розена, гдѣ пробылъ до мая 1860 года. Лѣто и осень этого года Л. провелъ въ своемъ имѣніи Кудиновѣ. Въ 1860 году онъ отправился въ Петербургъ съ цѣлью отыскать себѣ другого характера занятія, которыя бы оставляли больше времени для самообразованія. Въ 1863 году онъ поступаетъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Былъ послѣдовательно секретаремъ на о. Критѣ, консуломъ въ Адрианополѣ, Тульчѣ, Янинѣ и Салоникахъ—Все время отъ университетской скамьи посвящено было усиленнымъ занятіямъ, съ одной стороны, естественными науками, особенно любимой изъ нихъ зоологіей, съ другой—изученію русской и иностранной литературы и философіи ²⁾.

Къ означенному періоду, кромѣ нѣсколькихъ статей, относятся романъ „Подлипки“, а также особенно важныя для опредѣленія душевнаго настроенія автора повѣсти „Въ

¹⁾ Источникомъ для внѣшней біографіи (отчасти и для внутренней) Леонтьева этого времени служить большая статья Г. Александрова „К. Н. Леонтьевъ“. Цѣнною статья является особенно потому, что въ рукописи она была у Леонтьева, какъ значителенъ это въ первомъ NB „Тетради“ 2 й.

²⁾ Критическая статья „О сочиненіяхъ Марко-Вовчка“ обнаруживаетъ въ Леонтьевѣ большого знатока не только русской, но и иностранной художественной литературы.

своемъ краю“, „Ай—Бурунь“ ¹⁾ и большая публицистическая статья „Грамотность и народность“ ²⁾.

Эстетомъ вышелъ Леонтьевъ изъ Университета. Мы видѣли, какъ послѣдовательно дошелъ онъ вѣрѣ за потерей вѣры до имморализма, или, пользуясь его собственнымъ выраженіемъ, до „жестокой иногда борьбы поэзіи съ нравственностью“ ³⁾. (Суррогатъ религіи, простое умственное успокоеніе, болѣе безнадежное, чѣмъ открытое невѣріе, *эстетическій деизмъ*—вотъ та вѣра, на которой успокоился Леонтьевъ на долгое время. Эстетическимъ вкусомъ оцѣнивать онъ достоинство тѣхъ или другихъ формъ религіознаго сознанія. Православіе и папство, равно какъ буддизмъ и мусульманство, были для него болѣе или менѣе

¹⁾ Въ автобіографич. замѣткѣ „Гдѣ розыскать мои сочиненія послѣ моей смерти?“ (Р. Обзор. 94, VIII) по поводу этой повѣсти сдѣлана Леонтьевымъ въ 1882 году такая приписка. „Въ высшей степени безнравственное, чувственное, языческое, дьявольское сочиненіе, тонко-развратное; *ничего христіанскаго въ себѣ не имѣющее*, но смѣлое и хорошо написано; съ искреннимъ чувствомъ глубоко-развращеннаго сердца. Если бы я успѣлъ придѣлать къ нему эпилогъ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ бы что-нибудь, освѣтилъ бы вопросъ съ церковной точки зрѣнія, въ противоположность чистой *этикѣ* (которую я и *теперь*, при всей искренности моей вѣры, мало уважаю), то еще было бы сносно. Но я бы просилъ въ *этомъ видѣ* ее не печатать: *грѣхъ!* и грѣхъ великій! Именно *потому*, что написано хорошо и съ чувствомъ“.

²⁾ По поводу этой статьи приписка тамъ же: „Н. Н. Страховъ (*le bien pensé*) побоялся, что «не серьезно» и прибавилъ отъ себя: «Бѣглыя замѣтки»“.—Мы съ своей стороны скажемъ: не потому Н. Н. Страховъ побоялся, что „не серьезно“, а м. быть потому, что слишкомъ серьезно: статья, какъ увидимъ, настолько радикальна по своимъ взглядамъ, что „умѣренному консерватору“ было отъ чего въ ужасѣ притти.

³⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“, стр. 129.

красивыми фактами жизни—и только это осталось въ качествѣ слѣда дѣтскаго религіозно-бытового воспитанія...

Въ эту „безтолковую пору“ своей жизни Леонтьевъ разстался и съ монархическими преданіями своей семьи. Но насколько безнадежнымъ былъ онъ въ религіозномъ отношеніи, настолько же эстетизмъ, по его выраженію, далъ ему возможность выдержать напоръ того демократизма, „который широкой волной разлился въ 60-ые годы“. То, что въ студенческіе годы было въ значительной степени одной лишь „натурой“, у тридцатилѣтняго Леонтьева начинаетъ принимать характеръ системы. Демократизмъ Л. и на студенческой скамьѣ былъ въ значительной степени лишь словеснымъ. Въ болѣе же зрѣлую пору онъ быстро уступилъ мѣсто культу сложности и разнообразія жизни, горячимъ поклонникомъ котораго оставался онъ вплоть до могилы. Пафосъ вражды къ демократическому уравниенію людей, къ „эгалитарному прогрессу“, по его позднѣйшей терминологіи, которымъ всего больше характеризуется писательскій темпераментъ Леонтьева, зародился въ немъ съ самаго начала его самостоятельной жизни.

„Все хорошо, что прекрасно и сильно: будь это святость, будь это развратъ, будь это охраненіе, будь это революція, все равно. Люди не поняли еще этого... Стоитъ только большинству пріобрѣсти *хорошій вкусъ, эстетическій взглядъ на жизнь* и послушать его *проповѣди*, то жизнь наполнится еще новымъ, неслыханнымъ разнообразіемъ блага и зла, всякихъ антитезъ и всякой поэзіи, начиная отъ идилліи «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» и кончая трагизмомъ народныхъ мятелей!“¹⁾ Гдѣ же при такомъ видшеанскомъ

¹⁾ Г. Александрова „К. Н. Леонтьевъ“, стр. 265. Думаемъ, что курсивы, которые такъ любитъ Леонтьевъ, принадлежать ему.

настроения было устоять слабым задаткамъ демократизма?!

Въ высшей степени характеренъ относящійся къ этому времени одинъ разговоръ Леонтьева, нашедшій мѣсто, хотя—какъ увидимъ,—и въ искаженномъ видѣ, въ статьѣ о немъ въ *La Nouvelle Revue*. Разговоръ авторизованъ съ начала до конца и потому особенно цѣненъ для опредѣленія душевнаго настроенія Леонтьева этого времени. „Разговоръ около дома княгини Бѣлосельской, писалъ Леонтьевъ г. Александрову на его запросы, совершенно искаженъ (во фр. статьѣ) Собесѣдникомъ моимъ былъ 22—23 лѣтній юноша литвинъ Пютровскій, ученикъ и пламенный поклонникъ Чернышевскаго и Добролюбова. Я съ Пютровскимъ познакомился случайно, и онъ мнѣ очень понравился. Не имѣя тогда никакой возможности гдѣ бы то ни было печатать то, что я бы хотѣлъ, я успокаивалъ себя немного словесными изложеніями моихъ взглядовъ... Около этого времени я сталъ впервые понимать, что и мятежи народные мнѣ нравились не по цѣли, а развѣ по драматичности, и припомнилъ, и почувствовалъ, что я въ исторіи и романахъ всегда былъ радъ усмирению мятежей... Пусть они будутъ, но чтобы ихъ усмирили! Цѣли же демократическія мнѣ ужасно не нравились, и чтеніе Герцена (не „Колокола“, а другихъ статей его) уже прежде подготовило во мнѣ поворотъ къ охраненію и реакціи. Со стороны своего отвращенія къ буржуазному прогрессу Герценъ очень полезенъ, онъ просто незамѣнимъ¹⁾).

¹⁾ Къ послѣдней фразѣ присоединяется и авторъ этихъ строкъ. Въ своихъ тетрадяхъ Леонтьевъ не разъ называетъ въ числѣ своихъ учителей Герцена. Его же онъ рекомендовалъ не разъ молодымъ людямъ, которыхъ хотѣлъ онъ обратить къ христіанской вѣрѣ... А что иное говоритъ С. Н. Булгаковъ въ своей статьѣ „Ишевская драма Герцена“?.. См. „Отъ марксизма къ ишевизму“ СПБ. 1903

У Піотровскаго, казалось мнѣ, было воображеніе: глаза у него были такіе выразительные и задумчивые. Мы часто спорили. И вотъ однажды шли вмѣстѣ по Невскому и приблизились къ Аничкину мѣсту. Я спросилъ у него, стараясь выразиться какъ можно нагляднѣе:

— Желали бы вы, чтобы во всемъ мірѣ всѣ люди жили всѣ въ одинаковыхъ, маленькихъ, чистыхъ и удобныхъ домикахъ,—вотъ какъ въ нашихъ новороссійскихъ городахъ живутъ люди средняго состоянія?

Піотровскій отвѣчалъ: Конечно; чего же лучше?

Тогда я сказалъ:—Ну такъ я *не ваниъ отнынѣ*. Если къ такой ужасной прозѣ должны привести демократическія движенія, то я утрачиваю послѣднія симпатіи свои къ демократіи. Отнынѣ я ей врагъ! До сихъ поръ мнѣ было не ясно, чего прогрессисты и революціонеры хотятъ...

Въ это время мы были уже на Аничкинѣмъ мосту или около него. Налѣво стоялъ домъ Бѣлосельскихъ, розоватаго цвѣта (съ какими-то, помню, сѣроватыми или блѣдно-оливковыми украшеніями), съ большими окнами, съ огромными каріатидами; за нимъ, на набережной Фонтанки, видно было Троицкое подворье, выкрашенное темно-коричневою краскою съ золотымъ куполомъ надъ церковью, а направо на самой Фонтанкѣ стояли садки рыбные, съ ихъ желтыми домиками, и видны были рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. Я указалъ Піотровскому на эти садки, на домъ Бѣлосельскихъ и на подворье,—и сказалъ ему:

— Вотъ вамъ живая иллюстраціи. Подворье во вкусѣ византійскомъ—это церковь, религія; домъ Бѣлосельскихъ въ родѣ какого-то „рококо“—это знать, аристократія; желтые садки и красныя рубашки—это животность простонароднаго быта. Какъ это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять для того, чтобы вездѣ были все маленькіе, одинаковые домики, или вотъ—

такія много-этажныя, буржуазныя казармы, которыхъ такъ много на Невскомъ!

— Какъ вы любите картины! воскликнулъ Плотровскій.

— Картины въ жизни,—возразилъ я,—не просто картины для удовольствія зрителя; онѣ суть выраженіе какого-то внутренняго высокаго закона жизни,—такого же нерушимого, какъ и все другіе законы природы“...

„Вотъ каковъ былъ *действительный* разговоръ“, заключаетъ Леонтьевъ свой отвѣтъ г. Александрову на его спеціальный запросъ ¹⁾.

Съ 62 года Леонтьевъ, по его позднему свидѣтельству, окончательно порвалъ съ либерализмомъ, которому „поклонялся“ онъ съ 18 лѣтъ. Поклонялся ли? спросимъ мы. Къ 1860—1861 году относятся его двѣ критическія статьи „Письмо провинціала къ Тургеневу“ ²⁾ и „О сочиненіяхъ Марко Вовчка“. Онѣ либеральны развѣ только потому, что въ нихъ нѣтъ защиты крѣпостного права и сопутствующихъ ему явленій. Но въ такой же мѣрѣ молчитъ авторъ и о томъ, чѣмъ жилъ тогдашній либерализмъ. Предъ нами

¹⁾ „К. Н. Леонтьевъ“, стр. 66—68.—Въ тетрадяхъ Леонтьева содержится вполне совпадающая съ переданнымъ разговоромъ автобіографическая замѣтка. По поводу статьи „Новаго Времени“ въ 79 году, гдѣ Леонтьевъ названъ „недавнимъ либераломъ“, Леонтьевъ пишетъ: „Авторъ, не зная моей жизни, не знаетъ, что я уже съ 62 года (30 лѣтъ) отступился съ ужасомъ отъ либерализма, которому поклонялся (поклонялся ли?) съ 18 лѣтъ подъ влияніемъ Ж. Занда, Вѣлинскаго, Тургенева и т. д. Поклонялся его сердечнымъ и благороднымъ сторонамъ, не понимая (до 28—29 л.) ни глубокой антигосударственности, ни прозаическихъ послѣдствій того смѣшенія, безъ котораго либерализмъ не можетъ быть практикуемъ“.

²⁾ Письмо написано лично Тургеневу по поводу „Наканунѣ“ и передано послѣднимъ въ редакцію „Отеч. Записокъ“ съ просьбой напечатать его.

тотъ же „черезчуръ тонкій эстетикъ“, въ глубокихъ вѣд-
рахъ котораго безсознательно таился охранитель. „При чте-
ніи вашего «Рудина», «Дворянскаго гнѣзда», «Затишья»
слышишь близость бога красоты: душа полна и грусть ея
отраднa. Ничего подобнаго не слышится при чтеніи «Нака-
кунѣ». Вы не перешли за ту черту, за которой живетъ кра-
сота, или идея жизни, для которой міръ явленій служить
только смутнымъ *символомъ*. А какая цѣна поэтическому про-
изведенію, не переходящему за эту волшебную черту? Она
невелика; если въ твореніи нѣтъ истины прекраснаго, кото-
рое само по себѣ есть фактъ, *есть самое высшее изъ явленій*
природы (курс. нашъ), то твореніе падаетъ ниже всякой по-
средственной научной вещи, всякихъ поверхностныхъ ме-
муаровъ, которые по крайней мѣрѣ богаты правдой реаль-
ной и могутъ служить матеріалами будущей наукѣ жизни
и духовнаго развитія“... ¹⁾ Предъ богомъ красоты должно
пасть нацѣ и нравственность и общественный прогрессъ.
Жизнь проста; но гдѣ ея концы, гдѣ удовлетворяющій пре-
дѣлъ красоты и безобразія, страданія и блаженства, про-
гресса и паденія?“... „Дворянское гнѣздо“ тѣмъ и хорошо,
„поэтично и эфирно. несмотря на рѣзкость языка“, что въ
немъ „мысль о прогрессѣ, протекающая подъ живыми явле-
ніями драмы, не первая бросается въ глаза“ ²⁾. „Развѣ изы-
щество и многообразіе натуры не есть сила сама по
себѣ?

Auch in der sittlichen Welt ist ein Adel. Gemeine Naturen
Zahlen mit dem, was sie thun, schöne—mit dem, was sie sind.

Такъ сказалъ Гейне; и если Шлоссеръ ропщетъ на
него не безъ основанія, такъ это потому, что точка зрѣнія,
выбранная имъ, по преимуществу нравственно-прогрессив-

¹⁾ „Письмо провинц.“, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

наи“... ¹⁾ „Какія души нужны—ограниченныя, но благородныя направленіемъ, или изящныя, разбѣгающіяся, страдающія—кто рѣшить?“ ²⁾ Во второй статьѣ Л. явно беретъ подъ свою защиту теорію искусства для искусства ³⁾.

Но, какъ сказали мы, душа Леонтьева съ особенной яростью сказала въ „Въ своемъ краю“, „Исповѣди мужа“ (Ай—Бурунь) и статьѣ „Грамотность и народность“. Здѣсь и положительныя эстетическія симпатіи его, и вражда къ этическому гуманизму достигаютъ высшей степени своего развитія.

Во вторую половину своей университетской жизни Леонтьевъ, какъ мы видѣли, остановился на деизмѣ, легкомъ успокоеніи думающихъ атеистовъ ⁴⁾. Вопросъ о Богѣ его не занималъ. Своего разрѣшенія требовалъ вопросъ о жизни и мѣстѣ челоѣка въ ней. И здѣсь молодой медикъ не избѣгъ обычной для своей специальности дороги. Если „на первомъ курсѣ было и сграшно и обидно состоятъ изъ какихъ-то пузырьковъ и ниточекъ“ ⁵⁾, то и это страданіе скоро прошло, какъ недолго страдалъ Леонтьевъ и отъ по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 25

²⁾ Тамъ же, стр. 26.

³⁾ „О соч. М. В“, стр. 7 и слѣд.

⁴⁾ Я не путаю герминовъ, а вполне сознательно считаю деизмъ=атеизму. Деизмъ—легкое уѣжище для матеріалиста, которому не удастся отождествить Бога и атомъ. Разумѣется, не считаю своего мнѣнія оригинальнымъ. Но разъ оно высказано было Вл. С. Соловьевымъ. Таковъ же взглядъ на деизмъ религіознаго по сердцу, атеиста по уѣзденію Герцена. Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ деизмъ „но-религіей и не-вѣдѣніемъ, атеизмомъ, окруженнымъ религіозными учрежденіями“. (Соч. А. И. Герцена. 1879. Женева, т. VII, стр. 281.

⁵⁾ „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 76

тери вѣры дѣтскихъ лѣтъ. По мѣрѣ развитія его медицинскаго образованія безсознательный матеріализмъ дѣлается формулированнымъ „матеріализмомъ врачей“. Двойникъ Леонтьева Рудневъ построяетъ цѣльную систему матеріалистическаго объясненія природы, которая вполнѣ успокаиваетъ и даже радуется его. „Всякая сила стремится удовлетворить самой себѣ... Силы приходятъ въ гармонію или борьбу, притупляются взаимно или идутъ по равнодѣйствующей линіи и т. д. Что такое сила—онъ не зналъ; что такое вещество—онъ не зналъ тоже“ (здѣсь-то, замѣтимъ отъ себя, и спасаетъ деизмъ...), „но, извилисто прогоняя сквозь строй вещественныхъ явленій до самосознанія какой-нибудь электромагнитизмъ, а самоуслаждение еще извилисте до самоотверженія сквозь міръ духовный, онъ отдохнулъ на время. За вопросомъ о силахъ или воображаемыхъ крупинки вещества. Слагались онѣ на одинъ манеръ, попроще выходили: камень, соль, вода или воздухъ; посложнѣе на другой манеръ (предѣловъ нѣтъ и въ окончательную металличность металловъ онъ не вѣрилъ!) выходила дремлющая растительная ячейка; ячейки, слагаясь, образовали ракигу, которая стоитъ въ Деревягинѣ надъ прудомъ, элегическіе ноготки и бархатки, которыя сѣялъ Гаврило, и не только Гаврилъ, но и самъ Рудневъ! (На первомъ курсѣ было и страшно и обидно состоять изъ какихъ-то пузырьковъ и ниточекъ; а теперь Рудневъ скорѣе гордился, что и онъ—произведение природы!). Зашевелились влюбленные тычинки цвѣтовъ, діоней схватила муху, забѣгали живчики водорослей, чтобы, отслуживъ свою краткую животную службу, заснуть въ растительномъ покоѣ; полинь схватилъ червяка и проглотилъ его; неотесанная змѣя задушила скульптурную серпу, не обращая вниманія на то, что и Кювье, и Рудневъ, и другіе считаютъ жертву гораздо выше побѣдителя. Выше и выше, все сложнѣе, богаче и туманнѣе внутри и ярче снаружи! Человѣкъ взялъ верхъ надъ всѣмъ центро-стремитель-

ной силой чувства и мышления: птица взяла верхъ и надъ нимъ центросложной силой мышцъ и подвижности... Сложно все это! Мѣсяцами и годами доходило онъ до этого, какъ деревенскій механикъ, открывая давно открытыя вещи и кладя на нихъ всетаки печать личной работы... Служи наукѣ: она не обманетъ тебя—ободряетъ себя Леонтьевъ. Вѣрь въ науку, въ ея спасительный ходъ отъ простѣйшаго къ сложному"...¹⁾).

„Спасительный ходъ отъ простѣйшаго къ сложному!“... Вотъ хорошо знакомая намъ религія Леонтьева. Стихійное чувство красоты—жажда помноты въ многообразіи—беретъ на служеніе себѣ и науку. Едва ли и себя могъ обмануть эстетъ Леонтьевъ: не отъ науки къ эстетизму шло развитіе его, а наоборотъ. Чистая наука съ ея одной лишь категоріей количества не дастъ въ итогѣ красоты. Мы еще живо помнимъ, какъ претили Леонтьеву медицинскія занятія—чисто научныя, безстрастныя и холодныя, знающіи одну лишь поэзію—велицепріятнаго постиженія законовъ природы... Нѣтъ, предъ нами самостоятельный эстетъ—соціологъ, для котораго научный матеріализмъ оказался лишь удобнымъ разрѣшеніемъ вопроса о природѣ, главное—дающимъ возможность въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ нему²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—77.

²⁾ Мы будемъ дальше имѣть случай отмѣчать совпаденіе Леонтьева съ Ницше. Но—насколько эстетическое развитіе является *типичнымъ*: Ницше, какъ извѣстно, также на первыхъ порахъ наскоро рѣшивъ вопросъ о природѣ въ матеріалистической формулѣ, въ послѣдующее время почти не возвращался къ нему... Совершенно то же мы видимъ и у Леонтьева. Конечно, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо знакомствѣ Леонтьева съ соч. Ницше: объ этомъ *ни одного* намека. А Леонтьевъ, слишкомъ видѣвшій, насколько онъ является „пророкомъ не въ своемъ отечествѣ“, то есть, непризнаннымъ современниками мыслителемъ,

Красота, какъ результатъ „спасительнаго хода отъ простѣйшаго къ сложному“—единственный критерій жизни и потому самому „высшій долгъ отдѣльныхъ людей и народовъ“. Человѣкъ „долженъ дорожить самымъ фактомъ красоты“. „Пусть онъ будетъ одинъ на необитаемомъ островѣ—такъ и тамъ тоже.. Поэзія есть высшій долгъ“¹⁾.

Если культивированіе красоты, какъ единства въ многообразіи, или, по другому выраженію, „полноты жизни“, является единственнымъ критеріемъ ея и обязательнымъ долгомъ человѣка, то въ немъ должно раствориться моральное чувство: нравственное должно сдѣлаться неминуемо въ лучшемъ случаѣ, лишь нѣкоторымъ видомъ красиваго, однимъ изъ штриховъ общей сложной картины, говоримъ: въ лучшемъ случаѣ, но и въ немъ нравственное, какъ самостоятельный критерій жизни, уничтожается: добро и зло,

охотно, иногда даже совершенно безъ нужды, приводитъ болѣе чѣмъ второстепенные авторитеты, если только они подтверждають какую-либо его мысль. Онъ былъ—самъ это видѣлъ—слишкомъ оригиналенъ, и всячески хотѣлъ умалить себя въ этомъ отношеніи...

1) Приведенныя „чужія слова“ принадлежать Милькѣву, одному изъ героевъ „Въ своемъ краю“, стр. 29—30. Дальше будутъ цитироваться также его слова.—Милькѣвъ—личность автобиографическая. По свидѣтельству самого Леонтьева („Тургеневъ въ Москвѣ“) въ „Булав. заводѣ“—„Въ своемъ краю“ Леонтьевъ въ Рудневѣ воплотилъ свою „труженическую сторону“, въ другомъ героѣ—„свѣтлую, высшую“. Это и есть Милькѣвъ. Легко видѣть это изъ взаимнаго отношенія Руднева и Милькѣва. „Милькѣвъ былъ для него (Руднева) уже другъ, а не просто пріятный собесѣдникъ“... Своими „ужасными“ рѣчами Милькѣвъ „вносилъ столько новаго и заманчиваго въ кругъ его мыслей, что Р. день, въ который онъ не поспорилъ съ М. и не послушалъ его, казался скучнымъ и сухимъ“ („Въ своемъ краю“, кн. VI, стр. 479). „Рудневъ почти возненавидѣлъ Милькѣва за его соблазнительное вліяніе“, говорить въ другомъ мѣстѣ авторъ романа (кн. VI, стр. 504).

равно самостоятельны въ качествѣ простыхъ фактовъ жизни, равноцѣнны въ своемъ подчиненіи иному началу, совершенно отличному по своей природѣ отъ нихъ. Аморализмъ, ницшеанское „по ту сторону добра и зла“, *implicite* заключаеся въ эстетизмъ, какъ отвлеченномъ началѣ. „Не правда ли, докторъ, спрашиваетъ у Руднева Милькѣвъ, нравственность есть только уголокъ прекраснаго, одна изъ полосъ его?.. Иначе куда же дѣтъ Алкивиада, алмазъ, тигра и т. д.“¹⁾.

„Что бояться бѣды и зла?.. Дайте имъ просторъ... Отворите ворота: вотъ вамъ создавайте; вольно и смѣло... Растолчуть кого-нибудь въ дверяхъ—туда и дорога! Меня—такъ меня, васъ—такъ васъ! Зла бояться! О, Боже! Да зло на просторѣ родить добро... Если для того, чтобы на одномъ концѣ существовала Корделія, необходима леди Макбетъ, давайте ее сюда, но избавьте насъ отъ безсилія, сна, равнодушія, пошлости и лавочной осторожности...“

— А кровь? спрашиваетъ собесѣдникъ Милькѣва.

— Кровь? спросилъ съ жаромъ Милькѣвъ, и опять глаза его заблестали не злобой, а силой и вдохновеніемъ: Кровь? повторилъ онъ: кровь не мѣшаетъ небесному добродушію... Вы это все пріянишней Фредерики Бремеръ читались! Жанна д'Аркъ проливала кровь, а она развѣ не была добра какъ ангелъ? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости, и что такое одно фیزیологическое существованіе наше? Оно не стоитъ ни гроша! Одно стои́тъ-нее, величественное дерево дороже двухъ десятковъ безличныхъ людей: и я не срублю его, чтобы купить мужикамъ лекарство отъ холеры!“²⁾.

„Что за безстыдство! Извинять жестокость въ какомъ-нибудь случаѣ, это еще понятно, но оправдывать, обращать

¹⁾ „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 35—36.

въ принципъ "... такъ говорили заочно про Милькѣва слышавшіе его¹⁾).

— „Прочь сомнѣнья! Прочь рабство общихъ мнѣній!—отвѣчаетъ этимъ служителямъ „морали рабовъ“ Леонтьевъ устами героя „Ай—Буруна“²⁾),—„пусть питается дешевой и безвредной пищей тотъ, кто не въ силахъ вынести божественныхъ напитковъ!“.

При свѣтѣ новаго принципа, примѣнявшагося пока къ сферѣ индивидуальной жизни, должна получить, выражаясь словами Ницше, свою „переоцѣнку“ и вся жизнь человѣчества.

„Наука о современномъ обществѣ есть патологическая наука“³⁾)... „Законы“, которыми живетъ человѣчество до сихъ поръ, суть не что иное, какъ „свободное самооскопленіе для пользы общей“⁴⁾).

И прежде всего—пошли принципы всеобщаго блага, всеобщаго равенства. „Любить мирный и всемірный демократическій идеалъ это значить любить пошлое равенство, не только политическое, но даже бытовое, почти психологическое“... Но тогда „поэту не о чемъ будетъ писать, ваятель тогда будетъ сочинять только украшенія для станцій желѣзныхъ дорогъ“⁵⁾ или лѣпить столбики для газовыхъ фо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 37.

²⁾ „Ай—Бурунъ“, стр. 254.

³⁾ „Въ своемъ краю“, стр. 74.

⁴⁾ Тамъ же. Исторія человѣчества для Ницше—исторія душевныхъ болѣзней. „Люди вырождающіеся, слабовольные, неспособные поставить границы своимъ желаніямъ, вступаютъ въ борьбу съ ними и инстинктивно прибѣгаютъ къ оскотленію и искорененію страстей“. „Сумерки кумировъ“, пер. Е. К. Горцыкъ, стр. 118, 2 § Отд. „Нравственность, какъ противоестественное явленіе“.

⁵⁾ Недаромъ, скажемъ отъ себя, марксистъ Зомбартъ, какъ мы видѣли выше, роскошное устройство желѣзнодорожныхъ вок-

нарей, живопись и теперь уже обижена гнусной фотографіей“... „Идеальт всемірнаго равенства, труда и покоя? Изабави Воже!“¹⁾... „Уничтожая аристократію, мы оставляемъ только два начала: фразное мѣщанство и народъ“... Но на пути дальнѣйшаго развитія демократическаго принципа мы готовимъ вмѣстѣ съ собою гибель и народу: „работникъ и безъ того съ ума сходить, какъ бы ему надѣть сюртукъ, хоть грязный и вонючій, но сюртукъ!“²⁾...

Пошный демократическій идеаль долженъ замѣниться противоположнымъ себѣ началомъ законнаго неравенства. На это намъ даетъ указаніе сама природа. „Она обожаетъ разнообразіе, пышность формъ; наша жизнь по ея примѣру должна быть сложна, богата“... „Что лучше—кровавая, но пышная духовно эпоха возрожденія, или какая нибудь нынѣшняя Данія, Голландія, Швейцарія, смиренная, зажиточная, умѣренная?“

заволь при своемъ социаль-демократическомъ идеаль считаетъ верхомъ развитія жизни!...

1) Въ эту эпоху Леонтьевъ вездѣ слово Богъ пишетъ съ прописной буквы. Если принять во вниманіе, какъ дорожить онъ формой, то этого факта нельзя не признать характернымъ.

2) Ср. Ницше: „Безъ «чувства разстоянія», чувства, выросшаго на почвѣ установившагося на дѣлѣ различія сословій и того, что господствующія касты всегда смотрѣли издалека и сверху внизъ на подданныхъ, служившихъ орудіями, и что одни постоянно упражнялись въ послушаніи, а другіе—въ приказаніи, одни—въ самоуничиженіи, другіе—въ отчужденіи,—безъ этого чувства не могло бы возникнуть и другого полного тайны чувства,—стремленія къ постоянному еще большому увеличенію разстоянія въ самой душѣ человѣка, къ выработкѣ все болѣе высокихъ, оригинальныхъ, чуждыхъ, болѣе широкихъ, напряженныхъ и обильныхъ состояній,—короче къ возвышенію типа человѣка“... Фр. Ницше „По ту сторону добра и зла“, пер. В. Н. Линда, изд. 3, стр. 269: гл. IX, § 231: „Что такое знатность“ и мн. др. мѣсть.

Цѣня „добрую нравственность и самоотверженіе“, какъ самодовлѣющія блага, а не какъ „проявленія только прекраснаго“ ¹⁾, „мы готовимъ въ жизни народовъ только слезы, кровь и обманутыя надежды“.

Ставя же „прекрасное принципомъ жизни“, мы сохраняемъ ее. Тогда „и демократическія вспышки“ невѣдомо для себя „служатъ развитію“. „На почвѣ этихъ стремленій вырастаютъ гремучія и мужественныя лица; ихъ крайности вызываютъ противодѣйствіе, забытыя силы, дремлющія въ глупомъ благоденствіи, а имъ въ отпоръ блестятъ суровые охранники: а послѣ, въ годы отдыха, изъ наполнившихся богатствъ и противорѣчій слагаются глубокіе полные люди, примирившіе въ себѣ, насколько можно, прошедшее и будущее“ ²⁾...

Общественная жизнь должна быть организована въ расчетъ на гениевъ человечества, ибо въ нихъ смыслъ народной жизни. Только при такой организаціи „могутъ являться: Байроны, Гёте, Жоржъ Сандъ, Цезарь, Потемкинъ, графъ Д'Орсе“ ³⁾...

Такъ говоритъ Ницше. Не то же ли у Леонтьева?...

Русская жизнь представляется Леонтьеву особенно благоприятной для осуществленія его идеаловъ. Здѣсь не нужно создавать разнообразія: оно дано. „Чего у насъ нѣтъ? Въ великой Россіи земская община и рядомъ съ нею помѣщикъ, у котораго больше земли, чѣмъ у многихъ германскихъ государей; въ Малороссіи—громада, безъ общиннаго владѣнія земель; московскій ученый и донской козакъ;

¹⁾ „Въ своемъ краю“, кн. VI, стр. 498. Буквально у Леонтьева такъ: „Прекрасное—вотъ цѣль жизни, и добрая нравственность и самоотверженіе *цѣнны только*, какъ одно изъ проявленій прекраснаго“.

²⁾ Ницше—„Сверхчеловѣкъ“...

³⁾ См. Ницше „Такъ говорилъ Заратустра“, напр. „О вѣщемъ человѣкѣ“ цит. изд., стр. 317 и далѣе.

петербургскій безбожникъ и непоколебимый въ вѣрѣ своей раскольникъ: кавалергардъ и степной киргизъ"... Но въ народѣ нашемъ много суевѣрія, жестокости? „Суевѣріе? Оно только застывшая пѣна вѣры. Жестокость? Но безъ жестокости нѣтъ энергіи... Рука бы моя не дрогнула на того, кто святотатственно посягнуть бы на земскую общину нашу, посягнуть бы отъ подлаго страха, что быть Европы основанъ на личной собственности!“ добавляетъ Леонтьевъ, намѣчая въ эти годы то *единственное* благо, которое видѣлъ онъ въ теченіи всей послѣдующей жизни въ бытѣ русскаго народа.

Понятна теперь единственно возможная политика для Россіи. Обособленіе и самобытность во внѣшней и внутренней жизни. „Нужно ярмо, подъ которое должны волей или неволей склоняться самыя необузданныя сердца, чтобы сохранилась истинная жизнь народа“¹⁾.

Помянутая нами выше повѣсть „Ай-Бурунъ“, отдѣльнаго изданія которой такъ боится Леонтьевъ-афонскій монахъ, дѣйствительно, сильное съ художественной стороны произведение, написанное „со всею искренностью глубоко-развращеннаго сердца“, раскрываетъ съ особой подробностью изъ общаго состава его эстетическихъ переживаній—вражду къ нравственности „рабовъ“. Здѣсь все—и самая фабула, и развитіе мысли, и отдѣльные эпизоды—„по ту сторону добра и зла“.

Герой повѣсти, отъ имени котораго пишется дневникъ, поселился въ Ай-Бурунѣ, вдали отъ людей, среди дѣвственной пышной природы. „Живи одинъ, Рудневъ; на что тебѣ люди, скажи мнѣ?“²⁾

1) Все извлечено изъ романъ: „Въ своемъ краю“, кн. VI, стр. 498—503.

2) „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 76.

И авторъ дневника забылъ про людей, упоенный красотою дикой природы. „Что за день сегодня! Я ѣздилъ утромъ верхомъ. Море блѣдно-фіолетовое и какъ зеркало. Тишина. На шоссе холодно, на Яйлѣ снѣгъ, а внизу, въ садахъ, какъ майскій день въ Россіи. Я встрѣтилъ въ своей рошѣ татарку, которая собирала хворостъ. Она изъ блѣдной семьи, но здѣсь и блѣдность не страшна. Что за міръ, что за живое забвеніе! Какія слова изобразятъ то, что я чувствовалъ? Только прекрасныя стихи могли бы сравняться и съ природой этой, и съ тихой жизнью здѣшнихъ людей, и съ тѣмъ ощущеніемъ восторженнаго покоя, которымъ я упивался сегодня, когда лошадь моя то осторожно спускалась съ камня на камень по высохшему руслу ручья, то бѣжала съ горы на горку по гладкой дорогѣ. Какое счастливое сочетаніе дикихъ картинъ съ изящными слѣдами просвѣщенія! Здѣсь надо мной сосна поднялась изъ голаго камня и на такой отвѣсной громадѣ, что смотрѣть на нее отъ подошвы трудно, а у подножья этого гигантскаго камня шоссе; а прямо съ шоссе одинъ шагъ въ поблѣкшій на зиму цвѣтникъ и на чистый дворъ готической дачи. Иныя деревья въ саду обрываютъ листья, а другія—лавръ, кипарисъ и лаврововишневый кустъ—зелены, какъ лѣтомъ. Къ оградѣ, по которой самъ собою ползетъ плющъ, привязаны двѣ прекрасныя осѣдланныя лошади. Высокая дѣвушка въ легкомъ платьѣ гуляетъ съ книгой между миртами. Еще шагъ--и дача волшебнo скрылась за куполомъ черной сланцевой скалы, округленной какъ хребетъ скорченнаго звѣря. Страшныя глыбы сѣрыхъ камней въ вѣковѣчной неподвижности какъ бы катятся съ горы въ море. Татарка на плоской крышѣ стелетъ коверъ; изъ трубы дымитъ; красный перецъ виситъ у дверей... Мулы тонуть въ зелени... Нѣтъ—одинъ Пушкинъ достоинъ быть этой жизни..

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга .“

Одиночество автора нарушается прѣхавшей къ нему дальней родственницей съ дочерью Лизой—„дикой и прекрасной въ своей дикости“. Умираетъ неожиданно мать, оставляя Лизу на попеченіе неравнаго лѣтами своего родственника, который вскорѣ женится на ней. Тѣмъ временемъ прѣзжаетъ случайно къ нимъ грекъ Маврогени, идеаль Леонова по красотѣ, молодечеству—такое же буйное „дитя природы“, какъ и Лиза. Авторъ, мужъ Лизы, устраиваетъ ихъ связь, убѣдившись въ ихъ взаимной любви. Лиза отдалась Маврогени на глазахъ мужа. „Кто сказать вамъ, глупцы, что она гибнетъ? Кто сказать вамъ, глупцы, что тотъ, чья рука покрыла землю ковромъ цвѣтовъ; тотъ, кто научилъ человѣка воздвигать узорные дворцы и храмы и списывать на полотно благородно - дряхлыя хитины; чей духъ вдохнулъ въ нашу жизнь громы музыки, громы бурь и громы сраженій; по чьей волѣ мы въ сумерки поемъ грустную пѣсню про страшнаго ангела съ мечемъ и про стень, по которой вѣетъ вечерній вѣтеръ,—кто изъ васъ рѣшилъ, что волненія чувствъ и страстей не плодотворны и не угодны ему такъ же, какъ и узоры храмовъ и узоры цвѣтовъ, и волненія моря и волненія музыки?“¹⁾...

„Если ты ведешь богатую и разгульную жизнь, но при этомъ добра, великодушна, пряма, умна, даровита и плѣнительна, какъ одна изъ тѣхъ знаменитыхъ артистокъ, монархинь и другихъ женщинъ, имена которыхъ дошли до насъ, тогда ты не погибла по моему“, напутствуетъ авторъ свою горячо любимую жену, уѣзжающую съ Маврогени въ Венецію²⁾.

При обратномъ возвращеніи изъ Венеціи Лиза угонула. Мужъ не перенесъ ея смерти: застрѣлся.

¹⁾ „Ай-Бурунъ“, стр. 251.

²⁾ Тамъ же, стр. 233.

„Мерзавцемъ его жалко звать,—говорили про автора дневника, своеобразнаго мужа Лизы. Но онъ былъ давно не въ своемъ умѣ; не разъ, еще до женитьбы его, люди видѣли, какъ онъ одинъ всюду цалки ломалъ обѣ деревья“¹⁾.

Также и авторъ повѣсти, зететь Леонтьевъ, ломалъ общечеловѣческую мораль о красоту мірозданія...

Находятъ ли мѣсто въ душѣ Леонтьева этого періода литературно-художественной напряженной дѣятельности думы о религіи?

И здѣсь, хотя и мимолетная, та же „переоцѣнка“ общепринятыхъ взглядовъ мѣриломъ красоты. Леонтьева привлекаетъ коранъ узаконеніемъ пышности и неравенства жизни. Герой „Ай-Буруна“ съ одинаковой охотой говорить о томъ, „нельзя ли окрестить дочь пріятеля Мустафы-Оглу или самому стать мусульманиномъ“, когда, еще до пріѣзда Лизы, онъ хотѣлъ „согрѣть свою душу“, все таки не совѣмъ удовлетворенную одною красотою природы²⁾. „Я думаю даже (хоть и не совѣмъ слѣпо), какъ то робко пишеть христіанинъ Леонтьевъ, что въ коранѣ есть начала сходныя и съ фатализмомъ новой статистики³⁾, и съ пышностью самого мірозданія. Коранъ говоритъ: «Богу угодно,

1) Тамъ же, стр. 273.

2) „Ай-Бурунъ“, стр. 221.

3) Фатализмъ Леонтьева, вполнѣдствіи занявшій видное мѣсто въ его мировоззрѣніи, въ данную пору жизни былъ почти не высказанъ. Только въ одномъ мѣстѣ „Въ своемъ краю“ (498 стр. кн. VI) онъ влгаетъ въ уста Милькева позже часто повторяемую фразу: „L'homme s'agitte, mais Dieu le mène!“, но у него она не связана съ ходомъ мыслей. Говорить о фатализмѣ Л.—ва пока не находимъ возможнымъ: считая необходимой для уясненія душевнаго развитія кого-бы то ни было ретроспекцію, здѣсь мы не видимъ объективнаго основанія для нея...

чтобы были и добрые и злые, и грѣшныя и праведныя. Онъ знаетъ, что нужно. Не сообразно ли это съ исторіей, съ жизнью растительнаго и животнаго міра, поэтическими противоположностями вселенной? Можетъ быть, я ошибаюсь. Если такъ,—пусть проститъ мнѣ Богъ; но въ мысляхъ нашихъ мы невластны!“¹⁾ Отъ христіанства Леонтьевъ этого времени просто отмахивается, и если видитъ въ немъ красоту, то опять свою, особую, хотя и очень характерную для его дальнѣйшаго православія и монашества. „Далеко кулику до Петрова дня, и мнѣ до христіанскихъ правилъ далеко, говорить онъ устами Руднева. Если бы я надѣлъ тулупъ и почти не жилъ дома, и ходилъ съ котомкой отъ старухи къ старухѣ, отъ больного къ больному: кто въ силахъ—самъ купи лѣкарство, не въ силахъ—я помогу,—вотъ тогда бы я былъ христіанинъ! *Чтобы каждый прощъ, который я отдаю бѣдному, отзывался во мнѣ съ непривычки лишеніемъ и страданіемъ*—вотъ это христіанинъ!“²⁾ Христіанство, какъ тяжелая побѣда въ борьбѣ съ природными склонностями и красивый въ своемъ порывѣ отказъ отъ міра, было понятно тому, кто сдѣлалъ культъ своимъ борьбу разнородныхъ влеченій. „Пусть они (Лиза и Маврогени) пріѣдутъ изъ Венеціи, думаетъ герой „Ай—Буруна“, а я не буду мѣшать, имъ... *Я пойду въ монахи*“³⁾—какіе? спросимъ мы: монахи корана или христіанства?!

Въ 1870 году, то есть на самомъ канунѣ религіознаго кризиса, приведшаго Леонтьева въ келью Аѳонскаго монастыря, написана имъ публицистическая статья „Грамотность и народность“, которою открывается 2-й томъ „Востока, Россіи и Славянства“. И по времени написанія, и по самому характеру своему, статья эта чрезвычайно важна для опре-

¹⁾ „Ай—Бурунъ“, стр. 251.

²⁾ „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 12. Курсивъ нашъ.

³⁾ „Ай—Бурунъ“, стр. 268. Курсивъ нашъ.

дѣленія душевныхъ переживаній автора ея. Помимо прочаго, она будетъ судьей того, насколько правы были мы, воссоздавая душевный обликъ Леонтьева въ предшествующіе годы по литературнымъ типамъ его произведеній.

Статья трактуетъ вопросы соціологіи, но за ними не трудно будетъ видѣть и собственную душу Леонтьева.

„Западъ гніетъ“—положеніе славянофиловъ, которое Леонтьевъ хотя въ одной и той же съ ними плоскости, но по своему, при свѣтѣ своего эстетическаго мѣрила, раскрываетъ въ отрицательной части своей статьи. „Смрадная гниль“ Европы—порожденіе все болѣе забирающаго силы демократическаго принципа: неравенство гибнетъ, воцаряется повсюду пошлый мелкій буржуа „съ стертой фізіономіей“¹⁾).

Вмѣстѣ съ столь спасительнымъ своеобразиемъ гибнетъ и высшая поэзія въ Европѣ, вытѣсняясь повсюду механическими открытіями, прозаическимъ мелкимъ знаніемъ въ ущербъ высшему творчеству духа. Народы запада, „упоенные вещественной силою своей, поютъ дифирамбы своей мѣщанской почвѣ, не подозревая, что *душа убываетъ* вокругъ нея, не замѣчая, что геній жизни съ грустью собирается угасить свой факель“²⁾).

Гибельный ядъ демократизма—увы!—распространяется повсюду. Онъ почти погубилъ наши единокровные славянскіе народы³⁾, губить нашу русскую интеллигенцію.

¹⁾ „Вост., Россія и славянство“, т. II, стр. 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

³⁾ Сколько желчи и остроумія у Леонтьева, когда онъ изображаетъ европеизированныхъ братушекъ нашихъ. „Болгаринъ—какъ завелъ бакалейную или галантерейную лавочку и выучился грамотѣ, такъ сейчасъ и снялъ восточную одежду (всегда или величавую, или изыщную), купилъ у жида на углу неуклюжій

Гдѣ же найти отраду усталому отъ европейской уравнительной пошлости и прозы Леонтьеву? „Творческій геній можетъ сойти на главу только такого народа, который и разнохарактеренъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ, и во всецѣлости наиболѣе на другихъ не похожъ“. „Таковъ нашъ Великорусскій великій и чудный океанъ!“¹⁾.

„Простолюдина французскаго я ставлю выше русскаго мужика—говорилъ Леонтьеву молдаванъ полу-французскаго воспитанія;—но русскаго, равнаго образованіемъ съ французомъ, я цѣню и люблю больше и француза, и англичанина, и всякаго другого европейца!..

— Кто больше нравится вамъ—спрашивалъ Леонтьевъ: русскій ли учитель, или молодой чиновникъ новаго поколѣнія, честный, скромный, трудолюбивый, но безличныи, живущій послѣдними модными мыслями запада;—или же“...

Тутъ Леонтьевъ указалъ собесѣднику на одного придунайскаго старообрядца, „старца въ высшей степени замѣчательнаго по личному своеобразному характеру своему, по политическому вліянію, и, наконецъ, потому, что, вращаясь во всѣхъ возможныхъ слояхъ общества, вступая въ теченіе долгой своей жизни въ сношенія съ людьми высшаго круга различныхъ націй, онъ остался вѣренъ сво-

юртуку и панталоны такого фасона, какого никогда и не носили въ Европѣ, и въ дешевомъ галстукѣ (а то и безъ галстука) съ грязными ногтями пошелъ себѣ дѣлать съ тяжелой супругой своей визиты à l'euro péenne; европейскіе визиты, въ которыхъ блескъ разговора состоитъ въ слѣдующемъ: „Какъ ваше здоровье?“—„Очень хорошо!“—„А ваше какъ здоровье?“—„Очень хорошо!“ (Тамъ же, стр. 31). Къ однимъ ли Болгарамъ примѣнены эти слова—спросимъ отъ себя.

¹⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

ему русскому старообрядчеству во всемъ, начиная отъ рубашки на выпускъ и кончая отреченіемъ отъ табаку и чая“.

Молдаванъ сказалъ, что онъ, конечно, предпочитаетъ перваго русскаго второму.

— Послѣ этого разговоръ между нами невозможенъ,—отвѣчалъ я.—Чтобы вы могли понять меня, вамъ надо *забыть, что вы знали*“ ¹⁾...

Не въ томъ главное, что Великорусскъ своеобразенъ въ формѣ своей жизни, хотя и это очень важно... И не въ томъ главное, что Великорусскъ своеобразенъ вообще. Характеръ *трагическаго* своеобразія—вотъ чѣмъ велика русская душа, и трагическое въ жизни народа—все ²⁾. Въ подтвержденіе Леонтьевъ приводитъ дѣйствительно потрясающіе факты, взятые имъ изъ газетъ. Онъ подробно рассказываетъ о томъ, какъ нѣкій Куртинъ, „раскольникъ Спасова согласія“, 57 лѣтъ, зарѣзалъ своего родного сына, 7-ми лѣтняго мальчика Григорія, въ убѣжденіи, что это угодно Спасу ³⁾, а казакъ Кувайцевъ, чтобы разогнать грусть-тоску

¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

²⁾ Тамъ же, стр. 18.

³⁾ Подробности этого кроваваго процесса дѣйствительно „ужасны“. Вотъ какъ рассказывалъ самъ Куртинъ на судѣ о своемъ дѣтоубійствѣ: „Однажды ночью печаль моя о томъ, что всѣ люди должны погибнуть въ нынѣшнія времена сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи передъ иконами и молился со слезами на колѣняхъ о своемъ спасеніи и спасеніи семейства своего. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ гибели вѣчной, и такъ какъ сынъ мой Григорій, единственное дѣтище, былъ очень рѣзвъ, веселъ и смысленъ не по лѣтамъ, то я, боясь, чтобы онъ послѣ смерти моей не развратился въ вѣрѣ и не погибъ на вѣкъ въ геенѣ вѣчной, рѣшился его зарѣзать... Сынъ мой спалъ вмѣстѣ съ женою моею на конникѣ. Опасаясь препятствій со стороны жены, я нарочно разбу-

по умершей любимой женщины, чужой женѣ, откопалъ—по совѣту цыганки—могилу умершей, отсѣкъ у ней лѣвую руку и большой палецъ правой, обрѣзалъ волосы и снялъ съ нея одежду. Последнее онъ сдѣлалъ, по его собственнымъ словамъ, „такъ, для памяти,—ужь больно мила была мнѣ“ а отсѣченною рукою и пальцемъ онъ долженъ былъ по совѣту цыганки, очертить вокругъ себя кругъ, волосами же окурить себя, что и исполнилъ въ точности, послѣ чего „все какъ рукой сняло“ ¹⁾.

диль ее и послалъ за овчинами въ дер. Перво, а самъ, оставшись съ сыномъ, сказалъ ему: «встань, Гришенька! Надѣнь бѣлую рубаху, я на тебя полюбуюсь». Сынъ надѣлъ бѣлую рубаху и легъ на лавку въ передній уголъ. Куртинъ подложилъ ему его шубку въ головы и, заворотивъ вдругъ подолъ рубашки, нанесъ ему нѣсколько ударовъ ножомъ въ животъ. Мальчикъ затрепеталъ и началъ биться, такъ что постоянно натыкался на ножъ отца, отчего на животѣ его оказалось множество ранъ. Тогда отецъ, желая прекратить страданія сына разомъ, распоролъ ему животъ сверху до низу... Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ. Заря, занявшаяся на востокѣ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно при совершеніи преступленія; но когда сынъ былъ зарѣзанъ, то въ окнахъ вдругъ появились первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ упали на лицо невинной жертвы. Куртинъ, по его словамъ, при этой случайности восторженъ, руки его дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ, и онъ упалъ передъ образомъ на колѣни съ молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву. «Когда я — говорилъ Куртинъ на судѣ — стоялъ передъ образами на колѣняхъ, и сынъ мой плавалъ въ крови, то вошла вдругъ въ избу возвратившаяся жена моя и, съ перваго взгляда узнавъ все случившееся, упала отъ страха на землю передъ мертвымъ сыномъ. Тогда я, поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, сказалъ женѣ: «иди и объявляй обо всемъ старостѣ. Я сдѣлалъ праздникъ святымъ». Дѣтоубійца Куртинъ, заключенный въ острогъ, прежде рѣшенія дѣла уморилъ себя голодомъ...» (Тамъ же, стр. 14—15).

¹⁾ Тамъ же, стр. 15—17.

„Ужасно проявленіе вѣры въ преступленіи Куртина!“ замѣчаетъ Леонтьевъ, но, — продолжаетъ онъ — „расколъ представляетъ не одни ужасныя (хотя и трогательныя въ своемъ родѣ) явленія, но и картины въ высшей степени утѣшительныя и почтенныя“. Подтвержденіемъ служить газетное сообщеніе о духовномъ судѣ у молоканъ. „Когда мужъ оскорбитъ жену свою словомъ, или ударить хотя слегка въ горячахъ, то жена въ первое воскресенье, — если мужъ до сего времени не испроситъ у ней прощенія, — заявляетъ о семъ при молитвенномъ воскресномъ богослуженіи совѣту, состоящему изъ лицъ самой глубокой древности, старше которыхъ нѣтъ на селѣ, которые *публично, судотвореніемъ* послѣ богослуженія разбираютъ обиду и на основаніи библіи рѣшаютъ этотъ вопросъ безапелляціонно. При этомъ, если мужъ и жена не заявляютъ о разводѣ, они налагаютъ на виновнаго наказаніе церковное (гражданскихъ наказаній у нихъ не существуетъ)“ ²⁾.

Поступки Куртина и Кувайцева обращаютъ на себя особенное вниманіе Леонтьева; судъ у молоканъ приведенъ лишь для полноты картины.

Судъ, говоритъ Леонтьевъ, имѣетъ право карать поступки, подобные поступкамъ Куртина, Кувайцева. Но, — вспоминаетъ онъ, — по высокому выраженію московскихъ славянофиловъ, обыкновенный судъ есть проявленіе лишь *правды эмпирической* и не исчерпываетъ „безконечныхъ правъ личного духа, до глубины котораго не всегда могутъ достигать общія правила законовъ и общія повальные мнѣнія людей“ ³⁾.

Леонтьевъ, какъ не разъ и впоследствии, прибѣгаетъ къ невинной хитрости, чтобы смягчить остроту „божественныхъ напитокковъ“, — становится подъ защиту славянофиловъ,

1) Тамъ же, стр. 18. Мы привели лишь скелетъ тѣхъ яркихъ картинъ ужасныхъ и утѣшительныхъ, которыя нарисованы у Леонтьева.

2) Тамъ же, стр. 17.

глубоко чуждых ему. Славянофильское противопоставление *правды внешней* и *правды внутренней* является горячей заботой сохранить нравственное начало от поглощенія его юридическимъ: суть славянофильства—въ томъ, что Леонтьевъ и здѣсь и особенно часто въ послѣдствіи часто зоветъ „мечтой“, которую онъ „прощаетъ“ имъ за вражду къ Западу,—въ глубокое морализмъ... Леонтьеву-эстету нужна трагичность—поверхъ нравственности, нужны „глубины духа, до котораго не могутъ достигать общія правила законовъ и общія повальные мнѣнія“, хотя бы они были святыми... „Судья, при всей сдержанности проговаривается Леонтьевъ, обязанъ карать проступки, нарушающіе общественный строй, но тамъ только сильна и плодоносна жизнь, гдѣ почва *своеобразна и глубока даже въ незаконныхъ своихъ проявленіяхъ*. Куртинъ и Кувайцевъ могутъ быть героями поэмы болѣе, чѣмъ самый честный и почтенный судья, осудившій ихъ вполне законно“ ¹⁾.

Пусть бы кто-либо изъ „московскихъ славянофиловъ“ подписался подъ этими словами, изъ-за которыхъ, быть можетъ, и Н. Н. Страховъ назвалъ статью „бѣглыми замѣтками“!..

Своеобразіе русской души сказывается и въ его преданности религіозной вѣрѣ, которой нужно особенно дорожить „Ужасно проявленіе вѣры въ преступленіи Куртина! ²⁾“. Но ужасное или благотворное, все же это проявленіе *вѣры*, вѣры, противъ которой XIX вѣкъ ведетъ холодную, правильную и беспощадную осаду“!.. А безъ этой вѣры „куда обратится взоръ человѣка, полнаго ненависти къ инымъ бездушнымъ и сухимъ сторонамъ современнаго европейскаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 17.

²⁾ Куртинъ и Куртинъ съ его особеннымъ—все же.. какимъ-то садизмомъ въ религіи особенно плѣняетъ воображеніе Леонтьева. Кувайцевъ предъ нихъ ступшевыается, не говоря о судѣ у молочанъ, „картинъ утѣшительной и почтенной“ (стр. 18)

прогресса? Куда, какъ не къ Россіи, гдѣ въ средѣ православія еще возможны великіе святители, подобные Филарету“¹⁾..

Такъ ненависть къ европейскимъ формамъ жизни безсознательно толкала Леонтьева къ русскому православію!..

И все это своеобразіе русской души должно погибнуть подъ тлетворнымъ вліяніемъ европейской культуры?!... Тѣми рельсами, которыми везутъ къ нашему народу этотъ ядъ, служить грамотность. Славяне со словъ иностранныхъ писателей корятъ насъ безграмотностью народа. *„Я же нахожу, подчеркиваетъ Леонтьевъ, что эта правда не горька. Да! Въ Россіи много еще безграмотныхъ людей; въ Россіи много еще того, что зовутъ «варварствомъ». И это наше счастье, а не горе. Не ужасайтесь, прошу васъ: я хочу сказать только, что нашъ безграмотный народъ болѣе, чѣмъ мы, хранитель народной физіономіи, безъ которой не можетъ создаться своеобразная цивилизація“*²⁾.

Но грамотность ведетъ къ улучшенію народной нравственности?! „Но тутъ, отвѣчаетъ Леонтьевъ, у котораго нравственность не въ чести и въ политической публицистической статьѣ, дѣло идетъ о предметѣ, который для насъ, Славянъ, долженъ быть если не дороже, то по крайней мѣрѣ не дешевле общей нравственности... И зачѣмъ робкія уступки!—прорывается глубокий аморалистъ—предметъ этотъ—національное своеобразіе. Предметъ этотъ долженъ быть намъ дороже всего“...³⁾

Время—подвести итоги.

Разсматриваемый періодъ, обнимающій собою шестнадцать лѣтъ жизни Леонтьева, былъ періодомъ пышнаго расцвѣта его ранняго эстетизма.

1) Тамъ же, стр. 18.

2) Тамъ же, стр. 9.

3) Тамъ же, стр. 26.

Матеріалистомъ, что называется, на спѣхъ въ вопросѣ о сущности мірового бытія, аморалистомъ глубокимъ въ отношеніи индивидуальной и соціальной жизни, поклонникомъ культа единства въ многообразіи явленій—вступаетъ Леонтьевъ въ роковой для него сороковой годъ своей жизни.

На фонѣ основныхъ сторонъ его душевныхъ переживаній выступаютъ съ неравной силой второстепенныя черты: вражда до фанатизма къ началамъ европейскаго демократическаго прогресса, преклоненіе предъ самобытными, хотя бы порою и „варварскими“ проявленіями русской души, эстетическая симпатія къ формамъ религіозной жизни православія, по существу не превосходящаго, впрочемъ, Корана.

Въ концѣ періода обнаруживается бѣлая, симпатія къ религіи русскаго народа, какъ надежному прибіжищу отъ неотвратимо разливающегося европейскаго яда просвѣщенія.

Священникъ К. Аггеевъ.